

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'23

Шарейко Анна Александровна
Соискатель, преподаватель кафедры
белорусского языка и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Shareiko
Degree-Seeking Applicant,
Lecturer of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ann.shareiko@mail.ru

**СЛАВЯНСКИЙ ЦВЕТОВОЙ КОД (ЧЕРНЫЙ И ЗЕЛЕНый ЦВЕТА):
АССОЦИАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ****SLAVIC COLOR CODE (BLACK AND GREEN COLORS):
ASSOCIATIVE COMPONENT**

В настоящей статье представлен анализ ассоциативных полей черного и зеленого цветов на русском, белорусском и польском языках по результатам свободного ассоциативного эксперимента. Он отражает сходства представлений об идеальном цвете, противопоставлении других цветов и различий в приближении носителей языков (влияние литературы, религии, традиционного быта и социально-политических факторов).

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; ассоциативные словари; сравнительный анализ; черный цвет; зеленый цвет.

This article presents an analysis of the associative fields of black and green colors in the Russian, Belarusian and Polish languages based on the results of a free associative experiment. It reflects the similarities in the ideas of native speakers about the ideal color, the opposition of other colors and differences in the approach of native speakers of languages (the influence of literature, religion, traditional life and socio-political factors).

Key words: associative experiment; associative dictionaries; comparative analysis; black color; green color.

Еще Э. Сепир и Б. Л. Уорф в своей гипотезе утверждали, что мир представляется различным носителям разных языков именно благодаря тому, как сам язык его описывает [1, с. 63]. Эта мысль в многообразных вариантах используется при изучении семантики. «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [2, с. 34].

Существование сильных вербальных привычек, общих для многих членов данного общества и выработанных постепенно с возрастом, натолкнули лингвистов на мысль заняться сравнительным исследованием

многоязычных групп. Первые выводы на основе сопоставления результатов, полученных в разноязычных группах (немецкой и американской), были сделаны Э. А. Эспером (1918). После 1952 года появилось много новых исследований в этой области, основанных на миннесотских нормах и нормах других языков: французского (Розенцвейг, 1957), немецкого (Рассел и Месек, 1959) и итальянского (Леви, Розенцвейг, 1961). Во всех исследованиях подчеркивается сопоставимость наиболее частых ассоциаций, возникающих у респондентов из разных стран [3, s.143].

Ассоциативное поле цветообозначений характеризуется национально-специфическими чертами. Особенности каждой этнической культуры воплощаются в цветовых предпочтениях, которые проявляются в языковой системе. Базовые цвета раскрываются в сознании человека через набор ассоциаций, вызванных неким общим смыслом и содержащих типовую, существенную информацию. Например, белый у славян соотносится со снегом, выступающим как идеал белого цвета.

Целью исследования было выявление общих и специфических черт в ассоциативных полях названий цветов (черного и зеленого) среди носителей русского, белорусского и польского языков, для чего был проведен свободный ассоциативный эксперимент, предполагающий, что участники на слово-стимул дают первый пришедший в голову ответ. Эксперимент происходил с использованием гугл-формы. В нем приняли участие белорусы (в их числе русскоязычные) и поляки в возрасте от 18 до 80 лет из разных сфер деятельности (студенты университетов, программисты, преподаватели, переводчики, врачи, маркетологи, экономисты, рабочие и др.). Материалом исследования послужили 626 русскоязычных ответов, 452 белорусскоязычных и 251 ответ носителей польского языка.

Ответы, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, были распределены по лексико-семантическим группам (ЛСГ) для каждого стимула-колоратива (черный, красный, белый, желтый, зеленый, синий). В данной статье мы рассмотрим только два колоратива – *черный* и *зеленый*.

Ч е р н ы й

Первая ЛСГ – «Неживая природа». У носителей русского языка были зафиксированы следующие ответы: *ночь* 28, *тьма* 8, *темнота* 5, *космос* 4, *мрак* 3, *камень* 3, *тень* 2, *земля* 2. Как отмечал А. Е. Супрун, место, защищенное от солнца, именовалось **sěнь*, восточнославянские языки дают также **těнь*, которое связывают подчас с **тътьнь*, **тъта* ‘темень, тьма’. Кроме слова **тъта*, праславянским было и слово **morkъ* ‘мрак’, которое, видимо, означало не просто темноту, но темноту плохо проницаемую, связанную с туманом, мглой [4, с. 54]. Если мы смотрим на снимки из *космоса* или визуализируем его, то перед нами будет темное небо, чем и объясняется данная реакция: «Небо темнело, пенно-белый слой облаков растворялся, обнажая глубокий чёрный космос над головой» (В. Алдышев. Возвращение).

В белорусском языке (*ноч* 36, *цёмра* 17, *вугаль* 8, *дзень* 6, *зямля* 2), как и в русском варианте, многие частотные реакции совпали, однако есть и некоторые отличия. Например, реакция *дзень* описывает тяжелый жизненный период, подтверждение чему находим в словаре: «чорны дзень (размоўнае) – перыяд нястачы, беднасці ў жыцці; цяжкая часіна» [5].

У поляков черный цвет ассоциируется с такими понятиями, как *noc* 20, *węgiel* 14, *ziemia* 5, *smoła* 4, *mrok* 2. Второй по частотности ответ *węgiel* неслучаен. В Польше находятся большие запасы угля, позволяющие жителям страны использовать его в качестве топлива и по сей день. Этим же фактором обусловлена реакция *smoła* ‘деготь’, которая является продуктом перегонки угля. Также в верованиях народа земля, понимаемая как субстанция, стихия, выступает плодородным элементом космоса, матерью, которая вызывает не только эмоциональную реакцию, а имеет запреты и приказы по отношению к себе. Она святая, вечная, плодovitая, богатая, рождает растения, дает пищу животным и людям, после смерти принимает людей в свое чрево.

Вариативностью в анализируемых языках отличается группа «Флора и фауна». В русскоязычной аудитории это *кот* 98, *ворон* 12, *кошка* 4, *ворона* 4, *лебедь* 2, *собака* 2, *наук* 2. В славянской народной традиции кошка обладает двойственной символикой и демоническими функциями. Она символически сравнивается с собакой, объединяясь с ней по одним признакам и противопоставляясь по другим, например, в ее восприятии как чистой или нечистой [6]. Ворон имеет широкий ареал обитания как в городской, так и сельской местности. Кроме этого, в славянской мифологии ему приписывают коварство и воровство, что соотносится с черным цветом.

Носители белорусского языка отреагировали следующим образом: *кот* 62, *воран* 17, *варона* 8, *бусел* 7, *крумкач* 4, *воўк* 3, *кацяня* 2, *сабака* 2. Среди наименований птиц есть *бусел*. «Птушкі – сімвал сувязі паміж касмічнымі зонамі, сімвал душы. Бусел у славянскай міфалогіі – “первопредок”, ён сімвалізуе царственную птушку, на якую ўскладзена роля выратавальніка» [7, с. 346]. Еще одной отличительной реакцией стало название лесного животного: *воўк*. «В Полесье при встрече с волком призывают к себе умерших, называют их по имени» [8, с. 124]. В польском языке на фоне аналогичных по смыслу реакций *kot* 19, *pies* 3, *łabędź* 2 отметим ответ *koń* 3. Появление этой ассоциации обусловлено фразеологизмом *czarnykoń*, который, согласно словарю, имеет значение ‘человек или вещь, которая неожиданно выигрывает в соревнованиях, оказывается лучше фаворитов’ [9, с. 118].

На протяжении всего периода своего существования человечество мифологизировало природу, мир вокруг себя, что выразилось и в разнообразных формах и традициях религии. Славян всегда интересовала смерть как неизбежность, как предел жизни. В славянском мире смерть символизируется с черным, цветом скорби и печали. Люди приходят на

похороны в черной одежде, соблюдают траур 40 дней, например, повязывая на голову темный платок. Это отражено в ответах реципиентов в трех анализируемых языках, которые мы объединили в группу «Религиозные представления»: *смерть* 24, *траур* 5 в русском; *смерць* 17 в белорусском; *śmierć* 29, *żałoba* 26, 3, *diabeł* 2 в польском.

Еще с древних времен одежда служила не только для характеристики внешнего облика человека, но и его самоощущения, черт его характера и внутреннего мира. Одежда придает человеку чувство комфорта и помогает ощутить индивидуальность. Неудивительно, что одежда «находится в постоянной динамике и занимает одно из центральных мест в тезаурусе носителей языка» [10, с. 36]. При анализе полученных ответов мы выделили группу «Одежда и аксессуары», в которую вошли реакции: *одежда* 18, *стиль* 8, *плащ* 7, *пиджак* 6, *костюм* 5, *майка* 4, *кофта* 3, *лак* 3, *классика* 3, *сумка* 2, *свитер* 2. Номинации одежды, в основном, имеют универсальный характер для мужского и женского гардероба. У носителей белорусского языка черный цвет не вызвал такого широкого ассоциативного ряда: *адзенне* 6, *плашч* 6, *стыль* 4, *сукенка* 2, *майка* 2.

В представлениях носителей польского языка черный – это, в первую очередь, признак элегантности, а только потом уже названия видов одежды: *elegancja* 5, *elegancki* 1, *wyszczupła* 2, *sukienka* 2, *strój* 2, *plaszcz* 2. Внешний вид выполняет коммуникативную функцию, а сигналы, как бы посылаемые одеждой, позволяют осуществлять невербальное общение. Польский лингвист А. Куявска-Кот считает, что гардероб, адаптируясь к стилю большинства, перенимает нормы и принципы, выработанные данной культурой/социальной группой, придавая им относительную неизменность (с точки зрения представлений индивидов, составляющих некую общность) и чувство безопасности [11, с. 30].

Группа «Предметы быта» образовалась только в русскоязычных реакциях. Здесь реципиенты отразили особую значимость автомобиля, который является показателем социального статуса владельца, критерием состоятельности: *бумер* 8, *автомобиль* 4, *машина* 3, *мерседес* 3. Большую популярность приобрели автомобили марки «Мерседес» еще с 90-х годов прошлого века, когда появился жаргонизм *бумер*. Остальные ответы распределились следующим образом: *карандаш* 4, *экран* 3, *компьютер* 2.

З е л е н ы й

По этимологическому словарю А. В. Семенова, семантика зеленого восходит к общеславянскому: «Древнерусское – *зель* (*зелень, озимь*). Слово образовалось на базе общеславянского *zeleń* и является родственным прилагательному *желтый*. В древнерусском языке основа слова использовалась с XI в. в значении “незрелый виноград”. В настоящее время употребляется для обозначения цвета. Родственными являются: польское *zielony* (зеленый). Словенское *zel* (растение). Производные: *зелено, зеленеть, зелень, зеленеющий*» [12, с. 150].

В повседневной жизни славяне чаще всего встречались с зеленым как символом жизни, энергии и плодородия. Это нашло отражение в традиционных убранствах помещений на праздники: «Накануне дня Пятидесятницы заготавливалась “троицкая зелень”»: люди привозили целые возы срубленных веток и молодых деревьев, трав и цветов. Из них плели ритуальные венки; этой зеленью устилали пол в домах и церквях» [13, с.466].

Доминирующими ответами в нашем эксперименте стали реакции группы «Растительность», особенно в русском языке: *трава* 202, *лист* 33, *лес* 20, *луг* 17, *дерево* 15, *яблоко* 13, *чай* 11, *природа* 10, *огурец* 9, *салат* 6, *поле* 6, *цветок* 4, *листик* 3, *листья* 3, *листва* 2, *деревья* 2, *клевер* 2, *парк* 4. Нельзя сказать, что в белорусских ответах встретились существенные отличия, но они все же есть, например, характерный для белорусской культуры архетип дуба: *трава* 129, *луг* 49, *лес* 38, *дрэва* 20, *ліст* 9, *яблык* 8, *бор* 5, *дуб* 4, *прырода* 4, *поле* 3, *лісце* 2, *кветка* 2, *расліна* 2, *гай* 2. Вероятно, схожестью климатических и природных условий в Польше, как мы и предполагали, объясняется сходство результатов в группе: *trawa* 85, *liść* 20, *las* 11, *przyroda* 6, *natura* 6, *drzewo* 5, *kwiat* 2, *groszek* 2, *łąka* 2, *rośliny* 2, *jabłko* 2.

В ответах носителей белорусского языка зеленый цвет не ассоциируется с группой «Животный мир», чего нельзя сказать о русском и польском языках. У поляков зафиксировано слово *żaba* 2, а в русском варианте появилась реакция *слоник* 9. Это текстовая реминисценция на российский фильм «Зеленый слоник», вышедший в 1999 г. Появление же реакции *крокодил* 5 может быть объяснено не только популярностью сказки Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья», а также мультфильмом по ней. В сознании носителей любого языка существуют представления о предметах, которые воплощают идеальный образ цвета, символизируют его. *Зелёный крокодил* – одно из них. То же можно было бы сказать о некоторых высокочастотных реакциях, упоминавшихся выше: для зеленого это *трава*, *лист*, *дерево*, *чай*, *яблоко* и т.д., для черного – *ночь*, *тьма*, *мрак*, *уголь* и др. Представление о каждом цвете материализуется в конкретных предметах, имеющих ту или иную степень идеала: чем выше частота реакции, тем «идеальнее» воплощение цвета в предмете. Проанализировав данные ассоциативных словарей рассматриваемых языков [14, с. 40, 92; 15, с. 219, 722; 16, с. 56, 109], мы можем говорить об универсальном характере идеализации зеленого цвета, например, *лист* (*liść*, *ліст*), *лес* (*лес*, *las*), *трава* (*трава*, *trawa*), *огурец* (*агурок*, *ogórek*). Некоторые же реакции являются национально детерминированными: *светофор*, *змей*, *крокодил* в русском; *nadzieja*, *srokójk* в польском; *дуб*, *клён*, *гай*, *бор* в белорусском. Схожую картину наблюдаем и с черным цветом, где часть реакций совпала: *белый* (*biały*, *белы*), *кот* (*кот*, *kot*), *темнота* (*цёмра*, *ciemność*), *ночь* (*ноч*, *noc*). В то же время отмечаем специфические реакции: *кофе*, *ящик*, *пес* в русском; *charakter*, *koń* в польском; *Кузьма Чорны*, *стол*, *касцюм*, *камень* в белорусском.

В группу «Пора года» мы включили реакции *лето* 8, *весна* 6, *май* 2. Такие реакции связаны с расцветом природы, появлением зелени в это время. В белорусском языке результаты схожи: *вясна* 7, *лета* 5. У поляков зафиксирована только одна номинация из этой группы – *wiosna* 11.

«Как правило, желтовато-зеленые оттенки вызывают ассоциации с вынужденным раскрытием и связываются с распусканием почек на деревьях. Среди всех полихромных цветов зеленовато-желтый обладает наиболее ясной и отчетливой областью видения» [17, с. 111]. Такая близость в спектре цветов обусловила появление в трех анализируемых языках колоратива *желтый* 10, *żółty* 2, *жоўты* 2. В русскоязычной аудитории также отмечено появление реакции *синий* 4.

Группа «Психологическое и физическое состояние» во всех исследуемых нами славянских языках имеет позитивную коннотацию. Ученые утверждают, что зеленые стекла очков оказывают уравнивающее и успокаивающее воздействие, поэтому могут быть рекомендованы при нервных срывах и переутомлениях [17, с. 121]. Психоаналитики находят в нем «довольный собой цвет, ограниченный в духовном пространстве» [17, с. 123]. Подтверждение данным умозаключениям видим в ответах русскоязычных испытуемых: *спокойствие* 11, *жизнь* 6, *здоровье* 2. В белорусском языке также не зафиксировано пейоративных оценок: *жыццё* 6, *спакой* 3, *гармонія* 2. Для поляков, в отличие от белорусов, зеленый цвет в первую очередь выступает символом надежды: *nadzieja* 21, *spokój* 15, *spokojny* 3, *życie* 3.

Группа «Предметы окружающего мира» по итогам русскоязычного эксперимента получилась наиболее многочисленной: *светофор* 16, *свет* 19, *дом* 4, *деньги* 2, *шар* 2, *автобус* 2, *изумруд* 2, *папка* 2, *автомобиль* 2. Значительная часть ответов детерминирована дорожными правилами с предписанием осуществлять движение на зеленый сигнал светофора. У словосочетания *зеленый свет* появилось и переносное значение ‘свободный путь, возможность беспрепятственного осуществления чего-либо’ [5]. Схожую картину наблюдаем и в белорусском языке: *свет* 10, *святлафор* 2, *сцяг* 2, *дом* 4. У поляков мы не обнаружили аналогичных ассоциаций, можем только отметить ответ *dolar* 2.

Проанализированные лексико-семантические группы отражают сферы жизни и особенности представлений белорусов и поляков о неживой природе, флоре и фауне, религии, одежде, предметах быта, психологическом и физическом состоянии человека, полученные с помощью ассоциативного эксперимента. Итоги анализа ассоциативных полей стимулов *черный/чорны/ czarny* показали схожесть религиозных представлений о смерти, а также ЛСГ «Одежда» носителей трех анализируемых языков. Характерными только для польского языка в группе «Неживая природа» стали реакции *węgiel*, *smoła*, связанные с полезными ископаемыми на территории Польши. В белорусскоязычных ответах находим реакцию *дзень* для описания тяжелого жизненного периода. Специфика ассоциирования присутствует и в номи-

нациях представителей животного мира, где черный цвет у поляков соотносится с *koń*, а у носителей белорусского языка с *воўк* и *бусел*. Стоит отметить, что только в русском языке зафиксированы ответы из группы «Предметы быта».

Колоратив *зеленый/зялёны/zielony* отразил воплощение идеального образа зеленого цвета во всех анализируемых языках вариативностью реакций группы «Растительность». Кроме этого, универсальность ассоциирования проявилась в возникновении колоратива *желтый*. Разница представлений была найдена в группе «Животный мир», поскольку поляки дали ответ *żaba*, русскоязычные опрашиваемые – *слоник*. Еще одной особенностью стало соотнесение зеленого цвета наших западных соседей с надеждой (*nadzieja*), что отсутствует в русском и белорусском языках. Также в предметах окружающего мира отмечаем специфику ассоциирования поляков, давших ответ *dolar*.

Ассоциативные поля реципиентов (информантов) включают реакции, имеющие отношение к другим культурам, что связано с влиянием СМИ, интернета и глобализации знаний. На их появление влияют не только культурно-исторические факторы, но и психология людей, соотносящих представление о цвете с определенным предметным образом

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М., 1996. – 206 с.
2. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика : переводы. – С. 34–35.
3. Kurcz, I. Psycholingwistyka / I. Kurcz. – Warszawa : PWN, 1976. – 287 s.
4. Супрун, А. Е. Жизнь древних славян по данным их языка / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 104 с.
5. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://kartaslov.ru>. – Date of access : 10.02.2023.
6. Гура, А. В. Символика кошки в славянской народной традиции [Электронный ресурс] / А. В. Гура. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-koshki-v-slavyanskoj-narodnoy-traditsii/viewer>. – Дата доступа : 24.01.2023.
7. Иванов, В. В. Птицы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. – М. : Сов. Энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 346–349.
8. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
9. Kubiak-Sokół, A. Słownik frazeologiczny / A. Kubiak-Sokół. – Warszawa : PWN, 2019. – 467 s.

10. Пташникова, О. И. Специфика пополнения модного словаря последних лет / О. И. Пташникова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5, № 1. – С. 36.
11. Kujawska-Kot, A. Ubiór i tożsamość [Electronic resource] / A. Kujawska-Kot. – Mode of access : http://repozytorium.uni.wroc.pl/Content/94081/PDF/01_02_A_Kujawska-Kot_Ubior_i_tozsamosc.pdf. – Date of access : 12.02.2023.
12. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка : Русский язык от А до Я / А. В. Семенов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.
13. Славянская мифология : энцикл. слов. : А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 509 с.
14. Gawarkiewicz, R. Polski słownik asocjacyjny / R. Gawarkiewicz. – Szczecin, 2008. – 291 s.
15. Русский ассоциативный словарь : ок. 7000 стимулов : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.] ; Рос. акад. наук. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции – 784 с.
16. Цітова, А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы : 300 слоў / А. І. Цітова. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 144 с.
17. Серов, Н. В. Символика цвета / Н. В. Серов. – 2-е изд. – СПб. : Страта, 2019. – 195 с.

Поступила в редакцию 20.03.2023